

Михаил Бахтин

27.03.2009

Свой 225-й театральный сезон Большой театр ознаменовал грандиозной выставкой «Художники Большого театра» в Манеже, расположенной на двадцати дней позже. Но, судя по зрительскому интересу (очередь в кассу, очередь в гардеробе, медленно движущиеся зрительские потоки, обтекающие плоскую стену выставки с костюмами, макеты декораций), уже не говоря об огромной толпе перед сценой, на которой выступают с концертными программами артисты Большого), она могла бы с успехом демонстрироваться куда дальше. И действительно, здесь есть что смотреть, чтобы восхищаться. Думается, что даже энтузиасты, увидев все это великолепие, поражаются несметным богатством художественного наследия Большого. Справедливости ради следует, разумеется, сказать, что в экспозиции участвуют скромные фонды и Театральный музей им. А. Бахрушина.

Огромное пространство Манежа поделено как бы на три нефа. По центру — громадные потоличики театральных задников, образующие с двух сторон широкенный коридор, заполненный стеклянными витринами и открытыми горничными с костюмами. По двум внешним сторонам этого коридора бесчисленное количество экземпляров декораций и костюмов всех работавших в Большом театре художников с середины XIX века до наших дней. А на второй этаже Манежа — истории Большого в фотографиях — сотни, тысячи запечатленных мгновений творческой жизни Первого и Главного Российского Театра.

Еще один важный компонент выставки —

Маги и волшебники сцены

Мар. Ильин.-2009.-37 (11).-С. 3

сценический, сооруженный при входе в выставочный зал. Сцена большая, глубокая, рассчитанная не только на выступления певцов-солистов, но и танцевальные номера. Восторженный прием публики обеспечен прекрасно составленными концептными программами с участием ведущих артистов театра. На этой же сцене — до и после концертов — демонстрируются озумневшие видеозаписи спектаклей Большого прошлых лет.

А

в

его от элементов декорации. Вот огромный задник сцены «Балага из балета «Золушка» С. Прокофьева постановки 1945 года. Художник П. Вильямс представил темно-красные стены двухъярусного величественного зала, перед грандиозностью которого невольно захватывал дух, фантазии поддали на его фоне кажутся совсем крохотными. И невольно возникает желание войти в этот сказочный мир, ощутить себя персонажем легендарного сюжета.

А

в

Чуть дальше другая волшебная на красоте картина — панорама предрассветного Парижа, увиденная с высоты Монмартра художником В. Доррером. Это тоже задник оперы «Богема» Ди Пуччини постановки 1956 года. Все в берегах реки утреннего тумана — дома, мосты через Сену и сама еще спящая река, где-то совсем далеко еле просматривает силуэт Нотр-Дам. Да же тот, кто никогда не был в Париже, не забыт ощущение своей непосредственной сопричастности этому величественному городу. А уж тот, кто там был... Париж — это праздник, который всегда с тобой, как сказал Э. Хемингуэй.

А

в

А визуал дорреровскому Парижу радует глаз картина старинного русского города-крепости на берегу светлого Ильмень-озера — задний и опере «Садко» Н. Римского-Корсакова, тоже левентьевский задник «Дорога к Ельверским душам» Р. Шедрина (1977) — унылые российские просторы, а вправом ноктуном улуу рука с гусиным пером. И настоятельно выразительна эта рука, за ее склонившимся по бумаге так и слышится дробный, хриплый смешок автора, живописующего

«прелести родного российского захолустья и его обитателей».

Красоту и великолепие костюмов надо видеть своими глазами. Бархат, белоснежный горностаевый мех, драгоценности туалета Графини художника В. Дмитриева и «Быковой» дамы 1944 г., изящество костюмов Г. Вильямса для балета «Ромео и Джульетта» в 1946 году; балетные пачки, туники, созданные для воздушных полетов балерины и танцовщиц, давящие плечи тяжелые царские и боярские облечения персонажей исторических оперных спектаклей. Бережно сохранены и выставлены персональные костюмы Л. Сабинова (Ленский, Ромео, Вертер, Дубровский), А. Некрасовой (Джульетта, Эльза из «Полонеза»), И. Козловского, Т. Наполета, Н. Шильдер, Г. Вишневской, М. Максаковой, балетные туалеты Г. Улановой, М. Плисецкой, Е. Максимовой. Всего их всегда пополняется народ, 200 костюмов! Глаза разбегаются от сверкающих украшений их камниев, золотого и серебряного щита. Непосредственная близость со зрителями как бы обновляет макеты, превращает в действующие лица. А из самого «поребрея» настолько ярко блестят панорамы художника В. Левентя и постановки 1990 года оперы «Ночь перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова, тоже левентьевский задник «Дорога к Ельверским душам» Р. Шедрина (1977) — унылые российские просторы, а вправом ноктуном улуу рука с гусиным пером. И настоятельно выразительна эта рука, за ее склонившимся по бумаге так и слышится дробный, хриплый смешок автора, живописующего

там, внутри декорации, приятное и чуточку болезненное ощущение.

Лицом и лицу столкнулась на экспозиции с Беллой Ахмадулиной. Позади шля, словно в трансе, с загадочно-частливой улыбкой Джонниконы на лице. В топке роскошного промежутика лица проплавленного купюрой Славы Зайцева, художника Бориса Мессерера (у него, как и у других художников Большого, свой специальный раздел на выставке).

Бескомпромиссное занятие перечислить все фамилии участников экспозиции — ни сотни сотен (Желающие могут там же, на выставке, приобрести подробный каталог). Ведь первые эскизы декораций и костюмов, представляющие собой аккуратные, небольшие, подробно выписаные картины историев или пейзажей, относятся к середине XIX века. Потом можно проследить всю эволюцию декорационного искусства русской сцены. Но на одном моментах хотелось бы остановиться.

Словом недавно много шума наделала питерская премьера «Шелкопички» в Маринском театре, оформленная и костюмами которой предстал Михаил Шемякин, нашему златошамому соотечественнику, предпочитающему обитать в США. Художник (как я вскоре слыхал громкогласно подавали его СМИ) так погрузился в постановку, что стал диктовать артистам характеристики и поведение их персонажей, под него стал работать хореограф. И это было прекрасно как откровение, неслыханное новаторство.

На выставке «Художники Большого театра» огромное количество эскизов костюмов. Посмотрите на тех же «Поповцев» Ф. Федоровского, рожденных фантазией, а точнее сказать, «видением» художника для оперы «Князь Игорь» 1934 г. Эти «пол孢ы» уже давно стали хрестоматийными, они фигурируют во всех изданиях по декорационному искусству. По справедливости. Какие характеристики! Какая экспрессия, какой дикой, необузданной силы порыв! И какие лица с перекошенными в яростном крике глазами, безумными губами!

А на выставку Большого театра в Манеже спешите. Не дай Бог

вы закроют, как и было обещано,

31 марта. Такое ведь и впрямь можно увидеть только раз в 225 лет. Чаша не получается.

Наталия БАЛАШОВА.

Фото Виктора ВЕЛИКОДАЛЬЧИНА

и Михаила АОГВИННОВА (ИТАР-ТАСС)

